

ВОСТОК—ЗАПАД: ОБРАЗ И МОДЕЛЬ

Андрей Юрьевич МОСКВИТИН, кандидат философских наук,
доцент кафедры философии ДВГУ

Но нет Востока, и Запада нет.

Р. Киплинг

*В Китае, как ты знаешь, и сам император,
и все его подданные — китайцы.*

Г.-Х. Андерсен

I

Знаменитые строки Р. Киплинга, афористически выражающие один из ключевых культурологических, геополитических, цивилизационных, а сегодня и глобальных образов мира, начинаются с констатации «Запад есть Запад, Восток — Восток». Не претендуя на то, чтобы охватить различные дисциплинарные экспликации содержания и смысла классического со(противо)поставления¹, обратим внимание на разницу в способе его выражения. Она не столько в очевидном отличии первоначального, и как ясно из последующих строф, риторического утверждения разницы между Западом и Востоком и итогового отрицания таковой, сколько в измененной последовательности именовании полюсов оппозиции. Позитивная констатация начинается с Запада, негативная — с Востока. Почему так? Полагаем, что здесь открывается некоторая перспектива, уточняющая практически- и теоретически-актуальные аспекты проблемы «Восток—Запад». Внешняя случайность (специфика английской поэтики, особенности индивидуального языка, аберрации перевода) или нерелевантность (Р. Киплинг — не философ) этого обстоятельства снимаются принадлежностью самой проблемы, ее поэтического образа, концептуального содержания последнего, а также возможных рефлексий и того, и другого, и третьего к объемлющей их сфере культуры. А это позволяет хотя бы инструментально, в качестве символически выраженной гипотезы, семантической модели социокультурной реальности воспользоваться данной подсказкой художественного языка.

Вполне определеннен «европоцентризм» исходного тезиса, как впрочем, и аналогичный характер его развертывания: лишь потому, что Запад есть, и он есть Запад, есть и Восток в качестве именно Востока, т. е. не Запада. Потому и «пути их не совпадут» (в другом переводе «и вместе им не сойтись»), что идет собственно (т. е. собственным путем) лишь первый. И вместе им не сойтись, т. е. не встретиться в одном месте, поскольку Восток и есть всего лишь место (одно из многих других) для Запада. Здесь в оценочной форме звучит та же пространственная метафора, что присутствует и в отвлеченной

когнитивной операции «ориентирования»², и в откровенном политико-экспансионистском «Drang nach Osten», во всем многообразии его национальных и исторических форм.

Постулированная оппозиция имеет, казалось бы, вневременной характер, однако транскрипция последнего: «Пока над небом и над землей³ не начат Господен суд» уже квазиисторична. Различие Запада и Востока не может быть снято в рамках эволюции самих противоположностей (их фактически нет), внутри общей человеческой истории. Но это возможно в постистории Запада, который в силу своей единственности нуждается как в трансцендентном импульсе для начала своей истории, так и в высшем арбитре, завершающем ее. Таковым в религиозно-онтологической перспективе и является упомянутый Р. Киплингом Господь (безусловно, христианский бог Запада), а в реальной социально-исторической перспективе ему соответствует само христианство. Именно оно является тем, что несет Запад в своем историческом (т. е. развивающемся в истории и исторически значимом) движении на восток, желая утвердиться и исполниться там, достигнуть внутренней и внешней завершенности. И в позитивном, и в символическом истолковании этого эпизода открываются содержательные аспекты отношения «Восток—Запад»: универсализм западных ценностей и цивилизаторство (в широком диапазоне форм) как западная стратегия достижения универсальности.

Какова же будущность восточно-западной проблемы, чем завершается эта история? Точнее, должна была бы завершиться, поскольку сегодня ясно, что поколение Р. Киплинга пережило и осмыслило лишь один из этапов и некоторые из форм этого оказавшегося гораздо более длительным и сложным противостояния. Как впрочем, ясно, что и современное положение дел не дает оснований для оптимистически-финалистских ожиданий, а, напротив, требует анализа того, почему же не случился ожидаемый «конец истории» и что нужно понять, чтобы последняя популярная сегодня философия не превратилась уже в практическую и печальную констатацию?

Разрешение проблемы, итоговое снятие противостояния «Восток—Запад» мыслится в той же европоцентристской перспективе:

Но нет Востока, и Запада нет,
Нет границ у племен земли.
Когда сильный и сильный лицом к лицу
Стоят, хоть откуда пришли.

Содержащееся в начале строфы отрицание — ни Востока, ни Запада — лишь внешним образом может быть истолковано как признание Востока и его паритета с Западом. Как видно из следующих строк, это не равенство, которое предполагает позитивное различие, специфику сторон, а приравнивание Востока к Западу, допущение быть «таким же», а в пределе — «тем же самым». Востока нет, поскольку он *перестал восприниматься* в своей особости, а, следовательно, быть Востоком; Запада нет, потому, что он *стал* всем, а, следовательно, не может восприниматься как только Запад. Предъявляемое равенство сильных — это европейское равенство противосил, где натиск уважает лишь сопротивление, но не может адекватно оценить непротивление, хотя последнее и философски, и практически является настоящей, хотя и не бросающейся в глаза силой Востока. Наконец, отчетливо европоцентричны пространственные характеристики обретенного, казалось бы, паритета: ведь движение к нему не было встречным и взаимным; это Запад пришел с запада и на востоке встретился с Востоком. И это для Запада «нет границ», поскольку

ку он прибывает из-за них, но пребывающие в границах (не только государственных, но и языковых, культурных, религиозных) всегда их имеют, причем не только и не столько перед лицом единственного Запада, сколько ввиду как раз многих «племен земли».

Таким образом, можно заметить некое несоответствие между конкретным поэтическим выражением итогового вывода «Баллады о Востоке и Западе», явным содержанием аргументации и ее неочевидной, но действенной подоплекой, точнее одним из скрытых, быть может, и от самого автора и лишь прорывающихся в его языке обстоятельств. Почему же «нет Востока, и [лишь затем—поэтому.— А.М.] Запада нет», а не наоборот? Как представляется, в этом обстоятельстве можно услышать не столько уверенность в преодолении давнего противостояния, сколько удивление перед тем, что классическая форма, в которой оно до сих пор осознавалось, и в самом деле оказалась только формой, скрывающей другую неожиданную оппозицию. Упразднение монообраза противостоящего Востока было косвенным признанием его действительного и... множественного лица: нет единого Востока, но есть множество Востоков, и именно перед их разнообразием и сложностью взаимоотношений Запад во многом стал утрачивать свою определенность и исключительность.

II

Артикулируя и тематизируя интуиции, заключенные в вышеприведенных поэтических фигурах, в плоскости методологического рассуждения, можно выделить несколько определений, уточняющих понятия «Запад» и «Восток» и характер оппозиции между ними.

Сегодня уже достаточно очевидно, что понятия «Запад» и «Восток», несмотря на их «географическую» и «историографическую» нагруженность, пространственным образом неидентифицируемы. Причем проблематичными являются не только относящиеся к прошлому попытки прямой (естественной) локализации и разведения полюсов, но ее современные теоретически рафинированные аналоги, эксплицирующие оппозицию в культурологическом или цивилизационном ключе или редуцирующие ее к геополитическим дихотомиям: «Европа — Азия», «Север — Юг» и др. Содержание понятий «Запад» и «Восток» (или их смысловых синонимов) меняется не только со временем, что вполне естественно, но и в зависимости от аналитического контекста. Так, например, Россия до петровских преобразований (и даже после них) рассматривалась в Европе как восточная страна, «Азия», а Япония после второй мировой войны продемонстрировала пример «западного» индустриального развития. Но даже такие переходы противоположностей не нивелируют аналитического различия между Западом и Востоком, что заставляет искать его основания в иных нетрадиционных плоскостях. На фоне общей исторической изменчивости оппозиции заслуживает внимания скрытый за внешним параллелизмом негомогенный характер изменений составляющих ее понятий.

История Запада — это последовательная смена народов и государств (или их союзов), в ту или иную эпоху притязавших на мировое лидерство (религиозное, военное, идеологическое, политическое, экономическое) и посредством этого воплощавших в себе идею мирового целого и его развития. Испания, Франция, Англия, Германия, Россия, СССР⁴, США в фазах соперничества друг с другом или в краткие моменты неоспоримого первенства все они являли собой центры мировой истории, стремившиеся к исключению альтернативных им феноменов и противостоявшие остальной части мира, которая независимо от ее конкретной географической определенности выступала как «Восток».

Соответственно сменявшимся лидерам, в зависимости от их стратегических интересов и целей, менялся и противопоставляемый им восточный мир. Здесь симптоматичны трансформации понятия «Индия», долгое время символизировавшего именно «Восток»: от «Индии-Америки» через Ост- и Вест-Индию к собственно Индии и странам Латинской Америки, от «Индокитая» — к Китаю и государствам Индокитайского полуострова⁵.

Нетрудно заметить, что в этих исторических изменениях «Запад» отчетливо *моноцентричен*, тогда как «Восток» демонстрирует *полицентричность*. Изменения в его содержании не дезавуировали предшествующие определения, а расширяли имеющееся понимание, делая его более полным и многозначным, причем не только для Запада, но и в глазах самого Востока. При этом всякий раз, когда Запад в лице очередного своего лидера обращался своим взором на восток, в унаследованном от предшественников образе, он находил новые и индивидуальные черты, а апеллирующие к прошлому опыту стратегии окончательного решения восточного вопроса обнаруживали свою ограниченность и неэффективность. Так, выражаясь в понятиях эпитафиста, факт населенности Китая китайцами, сам по себе, впрочем, далеко не элементарный, конечно, давал возможность понимания Японии, где все — японцы, или Кореи, населенной именно корейцами, но как раз поэтому и не мог предоставить универсальных способов понимания, но создавал лишь исторически преходящую иллюзию такового. В то же время в контексте сходной, а то и общей перед лицом Запада исторической судьбы национально-культурные особенности стран Востока не нивелировались, но тяготели к сочетанию.

Интегрирующий потенциал Запада был направлен вовне и подразумевал вовлечение в орбиту своего влияния и *унификацию* остального мира по собственному образцу, соответствующими примерами чего полна как история мировых империй, так и современная во многом неоимперская геополитика. Интегративность Востока, хотя и была связана с наличием противоположного полюса, ориентировалась на сохранение и поддержание национального, культурного и иного *плюрализма*. Проявления последнего можно обнаружить не только в лице несомненно «восточных» по своему происхождению и составу союзов типа «Движение неприсоединения», но и во вполне «западных» объединениях вроде современного Евросоюза.

В основании этих и других контроверз между Западом и Востоком можно предположить разные культурные типы самопонимания и альтернативные способы концептуализации такового, т. е. способы различения собственного и иного, своего и чужого. Схематично эти стратегии можно обозначить как *экономизм* и *экологизм*, т. е. в первом приближении как предписывающий (ориентированный на идеальное) и описывающий (обращенный к сущему) способы артикуляции ойкоса (экоса), т. е. мира, как технический (искусственный) и органический (естественно-искусственный) способы конфигурации и трансформации его как пространства жизни. С этой точки зрения Запад, концентрирующийся на собственных, но полагаемых универсальными ценностях, культивировал фронтально-динамическое отношение к миру: границы достигнутого всегда открывали следующий, требующий продолжить движение горизонт, мир размыкался впереди, не требуя более внимания к тому, что уже удалось вовлечь в это движение. В этом смысле даже сопротивление и конфронтация среды были лишь отрицательными определениями положительного развития. Динамика же Востока имела иной характер: будучи выведен из равновесия под натиском Запада он расступался и вбирал его в себя, тем самым гася внешний импульс и восстанавливая свою стабиль-

ность. Принимая инновации, он адаптировал и связывал их с собственными ценностями, т. е. делал их своими. Поверхностная пассивность Востока оказывалась нетривиальной, а посему до некоторого времени недооцениваемой Западом формой его активности. Такую трансформирующую восприимчивость Восток демонстрировал даже в более консервативной и тяготеющей к традиционализму духовной сфере. Примером тому является распространение мировых религий — буддизма, христианства, ислама, которые в странах Восточной Азии (т. е. за пределами регионов их возникновения) приобретали национально-культурную специфику, иногда существенно отличающуюся от оригинального вероучения⁶.

Экономическая (в вышеозначенном смысле) стратегия была доминирующей до середины XX в. С окончанием второй мировой войны (1945) завершился период распределения и перераспределения сфер влияния между ведущими мировыми державами, к числу их добавились КНР (в военно-политическом аспекте) и Япония (в индустриально-технологическом аспекте), в течение следующих двух десятилетий рухнула неокOLONиальная система. Последующее экономическое и социальное развитие азиатских стран продемонстрировало феномен «вестернизации Востока»: перед лицом этих обстоятельств Запад столкнулся как с собственной ограниченностью, так и с ограниченностью своей прежней стратегии. Сегодня, используя геополитическую конъюнктуру, ее пытаются осуществлять лишь США, при этом в оппозиции к ним оказываются не только восточные, но и западные страны. С другой стороны, *экологическая* стратегия, реализуемая восточноазиатскими государствами, совмещает традиционные ценности Востока в их конкретнациональной форме с западным опытом.

Таким образом, резюмируя вышесказанное, можно полагать, что сегодня Запад и Восток не столько *части* света, сколько *части света*, не столько претендующие на полноту и целостность различения регионов или этапов развития современного мира, сколько различные способы понимания и освоения его многообразия и целостности.

¹ Исторический и аналитический обзор таковых и критику стереотипов восприятия данной оппозиции можно найти в краткой, но интересной статье: Кемеров В.Е., Коновалова Н.П. «Восток — Запад» // Социальная философия: Словарь / Сост. и ред. В.Е. Кемеров, Т.Х. Керимов. М., 2003. С. 59—65.

² Т.е. буквально определения направления «на Восток». Редукция «Востока» к географическому «востоку» — «восходу», например у И. Канта в «Что значит ориентироваться в мышлении?» (Кант И. Соч. на нем. и рус. яз. М., 1993. Т. 1. С. 199), и последующее абстрагирование понятия «ориентирование» дезавуирует какую-либо содержательную специфику Востока.

³ Эта, уже вполне классическая пространственная поляризация еще более усиливает оценочность исходного тезиса.

⁴ Идеологически в своей «всемирно-исторической миссии» социалистический Советский Союз противостоял не просто Западу, а капиталистическому «загнивающему Западу», т. е. был не Востоком (который как раз был одним из плацдармов мировой революции), а пост-Западом, в перспективе упраздняющим эту противоположность.

⁵ Использование в этом абзаце традиционной, «европоцентричной» интерпретации оппозиции «Запад — Восток» имеет иллюстративный характер, в региональных и локальных историях как собственно западного, так и восточного мира также обнаруживаются подобные корреляции.

⁶ Такое же обстоятельство можно отметить и относительно освоения социалистических идей в этих странах.

SUMMARY. Candidate of Philological Sciences A. Moskvitin presents the article “East versus West: the Image and Model”. There is represented a philosophical point of view on the differences and similar features of East and West in cultural, geopolitical, civilization aspects.